

A close-up portrait of an elderly woman with short, curly white hair and blue eyes. She is wearing round, thin-rimmed glasses and a thick, brown and yellow patterned scarf. The background is dark and out of focus. In the bottom foreground, there are some out-of-focus flowers, including a bright yellow one.

33 несчастья бабушки Агафьи, или Дневник бабушки Агафьи

Ольга Брюс

Ольга Брюс

**33 несчастья бабушки Агафьи,
или Дневник бабушки Агафьи**

«Автор»

2026

Брюс О.

33 несчастья бабушки Агафьи, или Дневник бабушки Агафьи /
О. Брюс — «Автор», 2026

Агафья Львовна посвятила более 40 лет профессии учительницы - её уважали и ценили. Но однажды её уволили под предлогом «дать дорогу молодым», а затем дети лишили её квартиры и сдали в дом престарелых. Сбежав, героиня попадает в глухую деревню - и здесь начинается её история возрождения.

© Брюс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Брюс

33 несчастья бабушки Агафьи, или Дневник бабушки Агафьи

Глава 1

— Ну что с вами делать, Агафья Львовна? — молодой директор школы, Эльдар Филиппович, смотрел на свою семидесятилетнюю сотрудницу так, словно перед ним сидел не заслуженный педагог, а, как минимум, злейший тунеядец.

Он потянулся к столу, налил себе воды из заляпанного пальцами графина, с шумом осушил стакан и принялся мерить шагами недавно отремонтированный кабинет.

— А что не так со мной? — спокойно, с нерушимым учительским достоинством, спросила Агафья.

— Видите ли... ваш возраст, — Эльдар Филиппович пожал плечами, будто сам не верил в весомость своего аргумента.

— Хорошо. Что не так с моим возрастом?

— Вы ещё спрашиваете?

— Да, я спрашиваю.

— Понимаете, мир меняется. Цифровизация, новые методики, креативный подход... У нас в школе хотят видеть молодых, дерзких, перспективных учителей.

— Кто хочет?

— Ну хотя бы родители.

— Хорошо. Давайте соберём родителей моих учеников и спросим, хотят ли они этого на самом деле.

— Агафья Львовна, ну зачем это всё? К чему эти сцены?

— Затем, Эльдар Филиппович, что слово — не воробей...

— А работа не волк, а любовь не картошка! Что мы теперь, в поговорки играть будем? Или вы с меня по блатным понятиям хотите спросить? А?

— Я уже ничего не хочу, сынок. Надумал выгонять? Да разве тебя остановишь... Вот был бы сейчас на твоём месте твой отец...

При упоминании отца лицо Эльдара перекошилось. Филипп Альбертович был легендой, его портрет до сих пор висит в фойе, и сыну явно это не нравилось.

— Вот только не надо Филиппа Альбертовича вспоминать! Мой отец вас тут передержал, пенсионеров. Развёл благотворительность вместо образовательного процесса. Хотя вас давно надо было с почестями, да домой. На заслуженный отдых!

— С почестями? — горько ухмыльнулась Агафья. — Ты пенсию нашу видел, благодетель? Какие тут почести? На эти почести разве что пачку крупы купишь да коммуналку оплатишь.

— Пенсия! Пенсия! Вот заладили — пенсия! Агафья Львовна, а дети вам на что? Вы же педагог, столько детей воспитали. Чужих. Неужели на своих сил и времени не осталось?

— Представь себе, не осталось. Весь огонь в школе раздала. Да и время сейчас такое... жёсткое. Взрослым детям самим помощь нужна, ипотеки эти, кредиты. Куда им ещё стариков на шею вешать?

— Ой, не знаю. Это ваши семейные проблемы, — отмахнулся директор. — Моя задача — эффективность учреждения. И я обязан вас оповестить, Агафья Львовна, что с завтрашнего дня вы у нас не работаете. Приказ подписан. В отдел кадров зайдите за трудовой.

Слова «с завтрашнего дня не работаете» ударили её в самую грудь. Работа была её ежедневным смыслом. Без неё Агафья казалась себе просто старой женщиной с больными суставами, которая никому не нужна.

Она встала, медленно, опираясь на край стола. Эльдар Филиппович тут же уткнулся в какие-то бумаги, делая вид, что разговор окончен навсегда.

Агафья вышла из кабинета. Ноги стали ватными. Она дошла до учительской и толкнула тяжелую дверь. В комнате сразу стихло. Коллеги — в основном молодые женщины, пришедшие в последний год, — смотрели на неё косыми, опасливыми взглядами. В школе новости разлетались быстрее, чем звук звонка. Все всё понимали, но спросить боялись.

И только Любовь Егоровна, молоденькая соцпедагог с вечно испуганными глазами, осмелилась нарушить тишину.

— Агафья Львовна... вы у директора были? — прошептала она, прижимая к груди папку с личными делами.

— Угу, — пробурчала в ответ Агафья, подходя к своему столу в углу кабинета.

— И что... что он сказал?

— Что-что? До свидания, сказал, Агафья Львовна. Было очень приятно с вами работать! — она попыталась сыронизировать, но голос предательски дрожал.

— Да вы что? Неужели уволил? — ахнула Любочка.

В разговор тут же вклинился Вадим Андреевич, учитель информатики.

— Значит, можем вас поздравить с выходом на долгожданную пенсию! — бодро воскликнул он, пытаясь придать моменту торжественности. — Наконец-то отдохнёте, Агафья Львовна. Дача, рассада, сериалы по утрам. Красота!

— Долгожданную? — Агафья медленно повернулась к нему. — Сынок, ты хоть знаешь, какая нынче пенсия? Или думаешь, люди на восьмом десятке на работу от избытка здоровья ходят? Для меня этот выход — это приговор. Что я теперь на эту пенсию смогу себе позволить? Даже внукам шоколадку лишнюю не купишь, детям не поможешь. Хоть прямиком на кладбище иди за ненадобностью!

— Ну почему сразу на кладбище? — вставила Мария Семёновна, учительница биологии. — Ну чего вы к этой школе присосались, Агафья? Есть же много других работ для пенсионеров.

— Каких? — Агафья горько усмехнулась. — Уборщицей в торговый центр? Или курьером бегать? С моими-то коленями, которые на погоду крутит так, что выть хочется?

— Ой, Агафья Львовна, вам что ни скажи... возрастное это у вас, наверное, — Мария Семёновна демонстративно отвернулась к зеркалу поправить причёску. — Негативизм, нежелание принимать перемены.

— Ну вас, горе-советчики, — вздохнула Агафья. — Пойду-ка я лучше домой. Вот только вещи соберу.

Вещей у неё осталось немного. Учебный год уже закончился, тетради проверены, журналы сданы. Она открыла ящик стола. Старая чернильная ручка, забытые кем-то очки, потрепанный сборник стихов Ахматовой. Всё это поместилось в один старый кожаный портфель.

Она окинула взглядом учительскую. Как же всё изменилось! Раньше здесь спорили о Блоке, о методиках Лысенковой, о том, как достучаться до «трудного» Петьки из 7-го «Б». А теперь? Теперь здесь обсуждали скидки в мебельных центрах и галстуки Эльдара Филипповича. Старая гвардия ушла, вытесненная молодым и гибким племенем, для которых школа была не храмом, а просто «офисом».

Агафья вышла из здания. Школьный двор встретил её ярким июньским солнцем и пыльным ветром. Кое-где ещё мелькали старшеклассники — кто-то дописывал хвосты, кто-то готовился к сдаче экзаменов.

— До свидания, Агафья Львовна! — крикнул ей рыжий вихрастый парень из выпускного класса.

Она помахала ему рукой, а в горле встал комок. Она шла по школьному двору, и каждый куст сирени, посаженный ещё при Филиппе Альбертовиче, казался ей свидетелем её жизни. Завтра ей не нужно будет вставать в шесть утра. Не нужно будет гладить белую блузку. Не нужно будет открывать класс и видеть эти тридцать пар глаз, ожидающих чуда или хотя бы интересной истории.

«Ну вот и всё, Агаша, — подумала она, выходя за тяжелые кованые ворота. — Теперь ты просто бабушка. Бабка! Отработанный материал».

Впереди была тихая и очень бедная жизнь. И Агафья Львовна, всегда такая сильная, вдруг почувствовала, как по щеке, теряясь в глубоких морщинах, ползет одинокая, горячая слеза.

— Здравствуйте, Агафья Львовна! — крикнул один из старшеклассников у ворот школы. Агафья узнала в нём Сенцова, того самого Петю, которого она учила с первого по четвертый классы, а позже вела его младшую сестру.

— И тебе не хворать, Петя! Как год завершился? Без троек, надеюсь? — улыбнулась она, слегка помахивая рукой ему и его друзьям, которые шумно поприветствовали её как старого знакомого.

— Без четвёрок! — ответил мальчик, улыбаясь во весь рот.

— Так без четвёрок можно по-разному закончить, — продолжила Агафья, — с одними тройками, например.

— Отличник я, Агафья Львовна! Круглый отличник. Как от вас в среднюю школу перешёл, так ни одной четверки за четверть, все пятёрки! — гордо похлопал он себя по груди.

— Эт ты молодец! Не сердись на меня, что я тебе постоянно эту четверку по русскому ставила. Ну не вытягивал ты, сынок.

— Да всё нормально, Агафья Львовна. Зато какие знания вы нам дали! Это намного важнее.

— То-то же! Хорошо, что понимаете. Следовательно, серое вещество в голове присутствует!

— Я мамке так и говорю: ты не смотри, что у Миланки четверки есть. Это не важно! Главное, чтобы Агафья Львовна её до конца «началки» довела. И тогда всё будет.

— Ну, тут уж простите! — вздохнула Агафья. — На пенсию меня отправили.

— Вас? На пенсию? А кто же Миланку доучивать будет? — спросил Сенцов, настороженно глядя на неё.

— А я почём знаю? Возьмёт директор на моё место молодую, перспективную. И будет вам счастье!

— Не надо нам такого счастья! — Сенцов не на шутку озадачился. — Я маме скажу, она позвонит! Мы будем жаловаться! Как же Миланка без вас? Нет!

— Ну, главное, чтобы училась. А педагог? Ну, может оно и к лучшему, что другой педагог будет?

— Нет! Нет, Агафья Львовна! Не надо нам никакого другого педагога! Я подождите. Я всё решу.

И Сенцов побежал дальше, достал телефон, стал что-то судорожно набирать на нём, звонить.

Не успела Агафья дойти до дома — как ей позвонили.

— Агафья Львовна, это Марина, мама Миланы Сенцовой.

— Да-да, Мариночка, я поняла, у меня и номер твой сохранён.

— Мне тут Петя сказал Я в шоке

— Ну, это ожидаемо

— Нет, неожиданно! Для нас, родителей, это вообще неожиданно. Может вы всё-таки передумаете, и хотя бы наших детей доучите? Я если честно, ещё младшего сыночка к вам планировала

— Да я разве решаю что, Мариночка? На пенсию меня отправили. Насильно. С почестями.

— Да какие это почести, Агафья Львовна? Если же вы не по своему желанию, так давайте мы в комитет пожалуемся. Все родители за мной пойдут. Если надо, мы и пикет устроим!

— Не надо пикетов, Мариночка. Там уже всё решено. А вам остаётся верить, что педагог хороший попадётся. Если же Милане что непонятно будет, звоните — я теперь на пенсии, времени много, пусть приходит дочка ваша, объясню, что надо будет.

— Ой, спасибо вам, Агафья Львовна! Но я всё-таки попробую вас вернуть через комитет. К директору пойдем всем классом просить!

— А вот этого не советую. Запомнит он зачинщиков, а потом выживать из класса будет вас.

— Он что, такой у нас?

— Такой, Мариночка. Ещё какой такой.

Родительница попрощалась и положила трубку.

Агафья зашла домой. Оглядела свою небольшую уютную квартирку. Вот он, момент, который она себе так много раз представляла. Она на пенсии. Свободна. Можно заниматься всеми теми делами, которые она всегда откладывала, чтобы проверить школьные тетрадки. Должно было быть чувство эйфории. Но нет. Только какое-то опустошение. Печаль. Тоска.

Она села на старый диван и долго смотрела в пустоту. За окном шумели деревья, за стенами — тихие звуки города.

— Вот и всё, Агаша, — прошептала она себе под нос, как будто произносила прощальное слово своему прошлому. — Свободна. А что дальше?

Она налила себе чай, сделала маленький глоток и поставила кружку на стол. Подумала. Выпила ещё глоток. Без удовольствия. Ей вообще сейчас было не до удовольствий. Пятьдесят лет в школе. А в профессии и того больше. А теперь что? Агафья была опустошена. Агафья была потеряна. Как быть? Как жить?

Но бабушка ещё не знала, что это только начало. Это лишь начало её черной полосы. Первое из тридцати трёх несчастий бабушки Агафьи.

Глава 2

— Иду, иду! Кого там чёрт принёс?! — проворчала Агафья, вскакивая с дивана.

В дверь стучали так неистово, будто что-то случилось. Старушка поспешила к прихожей. Взглянула в глазок — и сердце ёкнуло.

На лестничной клетке стояли её кровиночки: старшая, Маша, и младший, Стасик. Выглядели они так, будто их только что выдернули из шезлонгов на турецком побережье и телепортировали в хрущёвку к матери. Маша была в ярком сарафане с открытыми плечами, а Стас — в шортах с пальмами и вьетнамках, из которых торчали его большие, по-детски неуклюжие пальцы.

Агафья дрожащими руками открыла замки.

— Дети, дорогие! Вы как так быстро? — удивилась она, всплеснув руками. — Я же вот только отправила сообщение вам Часа не прошло!

— Вот мы насчёт сообщения и приехали, — перебила её Маша, даже не подумав разуться. Она прошла в коридор, цокая каблуками по старому линолеуму. — Ты серьёзно? Вот то, что ты написала — это правда? Про директора, про заявление?

— Да, правда, — вздохнула Агафья, прислонившись к дверному косяку. — Меня уволили с работы. Отправили на заслуженный отдых, так сказать. Пенсия, мои хорошие. С вещами на выход.

— На пенсию?! Уволили? — переспросил Стасик, вытирая пот со лба.

Дети переглянулись. В этом взгляде было всё: и недоумение, и плохо скрываемая паника.

— И как же ты теперь жить будешь? На одну пенсию-то? — с переживанием в голосе произнесла Маша.

— Как-как? Как все живут, так и я! Протянем.

— Мам, «все» — это все, — Стас засунул руки в карманы шорт. — А ты так не привыкла!

— Ну да, — горько усмехнулась Агафья. — Я теперь вам помогать не смогу, как раньше. Это точно.

Маша со Стасиком снова обменялись молчаливыми взглядами. Маша едва заметно кивнула, а Стас прищурился, глядя на мать, как следователь на подозреваемого.

— То есть, снова на работу ты выходить не собираешься? — спросил он.

— А куда я, по-твоему, пойду? — Агафья развела руками.

— Ну, мало ли школ вокруг!

— Кому я там нужна, Стасик? Так нас, семидесятилетних, и ждут в школах с распростёртыми объятиями. Да я и сама, честно сказать, не хочу. Хватит уже. Единственное, что меня удерживало в моей школе в последние годы — это мои ученики, мои детишки. А теперь всё, точка. Так что, встречайте полноценную пенсионерку!

— Да уж, — ухмыльнулась Маша, нервно теребя цепочку на шее. — Сюрприз, так сюрприз.

Агафья прошла на кухню.

— Не стойте в прихожей уже, — бросила она через плечо. — Заходите. Чайник сейчас поставлю.

— Да нет, мам, спасибо. Нам и вправду некогда, — быстро проговорила Маша, пятясь к двери. — Дела есть важные, прямо срочные. Мы же просто убедиться заскочили, что ты не шутишь.

— И мне тоже нужно срочно уйти! — подхватил Стас, уже открывая входную дверь. — Заказ горит, клиенты обрывают телефон.

— И даже чашку не выпьете? — Агафья застыла у плиты с чайником в руках. — Пять минут всего Эх вы!

— Прости, мам, и вправду надо бежать! Мы наберём вечером! — крикнул Стас уже с лестницы.

Дверь захлопнулась. В квартире воцарилась тишина. Агафья Львовна опустилась на табуретку. Одиночество и тоска навалились на неё тяжёлым грузом.

Чтобы хоть как-то заглушить тоску, она всё-таки налила себе чай. Пила его мелкими глотками, глядя в окно. За один присест она незаметно для себя уничтожила полпачки пряников — раньше она так сладким не увлекалась, следила за сахаром. «Стресс», — поставила она себе диагноз и, помыв кружку, поплелась в комнату.

Агафья прилегла на диван и провалилась в тяжелый сон. Ей снилась школа. Она стояла у доски. На неё смотрели тридцать пар внимательных глаз. Она объясняла тему «Деление дробей», и дети, на удивление, схватывали всё на лету. Это приносило такое удовлетворение, что старушка даже во сне начала улыбаться. Она чувствовала себя нужной. Важной. Живой.

Резкий, дребезжащий звук домофона ворвался в её блаженство, как кирпич влетает в стекло. Агафья подскочила, не сразу сообразив, где она.

Домофон надрылся. Старушка подошла к трубке.

— Да? Кто там?

— Агафья Львовна?! — донёсся из динамика официальный женский голос.

— Да. Кто это? — насторожилась она.

— А вы можете меня пустить?

— Кто вы такая?

— А давайте я войду, и всё вам на месте расскажу. Так будет проще.

— Нет уж, милочка! — Агафья включила «строгую педагога». — Идите, куда шли. Мне ничего не надо. Я всё равно у вас никакие пылесосы не куплю, окна менять не буду и в ваш «бесплатный медицинский центр» не запишусь. Понятно? До свидания!

— Ну как же? — Голос в трубке стал искренне удивлённым. — Ваши дети сказали, что вы нас ждёте. Мария и Станислав только что позвонили и сказали, чтобы я немедленно пришла к вам со всеми документами для ознакомления.

Агафья Львовна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Какими ещё документами? — прошептала она.

— Впустите меня, и я всё вам покажу. Это касается вашего будущего проживания, — ответила женщина.

Палец Агафьи дрогнул и нажал кнопку открытия двери.

— Вот же... нелёгкая принесла! — Агафья Львовна выругалась в совершенно не свойственной заслуженному педагогу манере.

Через пару минут на пороге возникла женщина. Вид у неё был весьма представительный: строгий жакет, из-под которого выбивалась пышная, старательно мелированная «под пепел» шевелюра, и такой густой шлейф парфюма, что у Агафьи защекотало в носу.

— Агафья Львовна, добрый вечер! У меня очень мало времени, буквально минутка, — защекотала гостя, втискиваясь в тесную прихожую, не дожидаясь приглашения. — Я занесла вам пакет документов. Вот, держите. Завтра, когда за вами придут, всё это — подчеркиваю, всё! — должно быть при вас. Оригиналы, копии, медкарты...

Она всучила Агафье увесистую папку с надписью «Надежда» и логотипом в виде розового ростка.

— Погодите, милочка, — Агафья отодвинула папку. — Кто придёт? Зачем придёт?

— Как кто? — Женщина вскинула свои выщипанные брови. — Представители пансионата вашего. Трансфер заказан на десять утра. Машина будет у подъезда, санитары помогут с вещами, если нужно, хотя Мария сказала, что вещей у вас немного будет.

— Я что, куда-то еду отдыхать? — голос старушки дрогнул. — В санаторий, что ли?

— Ну... можно и так сказать, — женщина замялась, отводя взгляд. — Отдых от бытовых забот, полный пансион, свежий воздух. В общем, ваши дети, Мария и Станислав, определили вас в дом престарелых. Очень приличное место, между прочим!

Агафья чуть не поперхнулась воздухом. В груди кольнуло, дыхание перехватило, и она начала надрывно откашливаться.

— Вам плохо? Ой, мамочки... Может, воды? — запереживала незнакомка, оглядываясь по сторонам.

— Да не надо мне ничего! — наконец выдохнула Агафья, вытирая глаза платком. — Что вы такое говорите? Какой дом престарелых? У меня квартира, у меня планы, у меня... я ещё живая вообще-то!

— Агафья Львовна, ну не надо так драматизировать. Завтра за вами приедут из пансионата «Надежда». Вот эти документы возьмите с собой, пожалуйста. Там договор, акт передачи, медицинская страховка...

— Дорогуша, ты ничего не путаешь? — Агафья Львовна посмотрела на неё своим фирменным взглядом. — Может, адресом ошиблась?

— Паспортные данные ваши? — женщина выудила из папки листок и ткнула пальцем в напечатанные строчки.

Агафья прищурилась. Серия, номер, прописка — всё её. Всё сходится.

— Ну-у... мои.

— Значит, всё верно. Поздравляю! Не так легко попасть в «Надежду», там очередь на три года вперёд, а ваши дети постарались. Вот молодцы!

— Да-а... этого не может быть! — Агафья Львовна пошатнулась. Ей казалось, что это какой-то дурацкий сон. Она даже незаметно ущипнула себя за предплечье, но боль была вполне реальной, а женщина не исчезала.

И тут в памяти, как вспышка молнии, всплыл один вечер пару месяцев назад. Маша тогда пришла со Стасом, принесли торт, были необычайно ласковы. «Мамуль, — ворковала дочка, — мы тут с наследством решили подстраховаться, ну, чтобы потом никакой волокиты, налогов лишних. Подпиши вот тут, и тут... это просто формальность, юридические тонкости». У Агафьи тогда голова болела после проверки контрольных, она прочла ровно два листа — там действительно было что-то про доли и дарение, — а дальше просто рисовала свою подпись под каждым листочком, где стояла галочка. Она же им верила. Она же их растила...

И вот теперь — «Надежда». Розовый росток. Санитары в десять утра.

— А... квартира моя? — испуганно, совсем по-детски спросила Агафья.

— Её уже почти продали, — ошарашила очередной новостью женщина, поправляя причёску. — Задаток внесён, новые жильцы хотят заехать уже на следующей неделе. Хотят ремонт делать, перепланировку...

Агафья Львовна почувствовала, как её обдаёт жаром.

— А ты кто вообще такая? — сорвалась она на крик.

— Я? Я помощницей у вашей дочки работаю. А вы... вы меня совсем не помните? — женщина вдруг перестала щебетать, и в её голосе прорезалось что-то холодное.

— Лицо знакомое... но никак не могу вспомнить, где я тебя видала. На свадьбе у кого-то? Или в ЖЭКе?

— Снегирёва моя фамилия. Снежана. Я у вас училась пять месяцев. А потом вы директору сказали, что я «абсолютно безнадёжна» и меня надо на класс ниже посадить, потому что я программу не тяну. Ну?... Вспомнили?

Агафья замерла. Перед глазами всплыла та самая Снегирёва — вечно накрашенная не по возрасту, ленивая девчонка, которая на уроках только и делала, что разглядывала свои пальцы. Тяжёлый был случай. Девочка пришла из другой школы с огромными пробелами. Не читала, не писала толком, а на математике вообще сидела с видом иностранного туриста. Агафья тогда

искренне пыталась ей помочь, но поняла: девчонка просто не понимает базу. Пришлось ходатайствовать, чтобы её вернули на год назад, чтобы хоть основы усвоила.

— Да, да, Снежаночка, вспомнила... — Агафья Львовна невольно сменила стальной тон на более мягкий, педагогический. — Как у тебя дела? Работаешь, смотришь? Вон, при должности...

— Работаю, Агафья Львовна. Как видите, — Снежана говорила сухо, с какой-то горькой усмешкой. — Жизнь, она, знаете, поинтереснее математики. Вот ваши бумаги. Забрать их с собой не забудьте. В десять утра будьте готовы.

Она развернулась на каблуках и вышла, хлопнув дверью так, что зазвенела люстра в комнате. Агафья Львовна осталась стоять в прихожей, прижимая к груди папку «Надежда». Мысли путались. Дети. Продажа квартиры. Переезд.

Вдруг в ней проснулась ярость. Она резко рванула дверь и выскочила на лестничную площадку. Снежана уже спускалась пролетом ниже.

— А если я не поеду?! — крикнула Агафья, перевешиваясь через перила. Голос её эхом разнесся по подъезду.

Снежана остановилась и медленно подняла голову. На её лице играла нехорошая ухмылка.

— Ну, тогда вас силой заберут, — бросила она. — Санитары из «Надежды» — ребята крепкие, у них опыт работы с «несогласными» большой. Вы сами всё подписали, Агафья Львовна. Своей рукой. Так что не надо делать глупостей, берегите давление!

Она ушла, а Агафья медленно вернулась в квартиру и закрыла дверь на все три замка.

Дети. Машенька, Стасик. Как они могли? Она бросилась к телефону. Сначала набрала Машу — длинные гудки, потом сброс. Набрала Стаса — «Абонент временно недоступен». Сердце заныло уже не на шутку.

В голове не укладывалось: стоило ей лишиться работы, как она тут же стала лишним элементом в их отлаженной жизни. Пока была зарплата — была «любимой мамулей». А теперь — «пенсионерка в пансионате». Ну и сама дура, конечно! Старая, наивная дура. Зачем было подписывать документы, не глядя? А главное, сама же гордилась, когда Маша на юрфак поступила. «Юрист в семье — это сила», — говаривала Агафья коллегам. Вот эта сила по ней и ударила. Профессионально, грамотно, не докопаясь.

Агафья села на диван, глядя на старые обои, которые она сама клеила пять лет назад. В десять утра её жизнь должна будет кардинально измениться.

— Нет уж... — Агафья сжала кулаки, и в её глазах блеснул недобрый огонек. — Просто так я вам не дамся. Не дождётесь!

Глава 3

— У тебя что, тоже никого? — голос соседки, сухой и скрипучий, заставил Агафью вздрогнуть.

Женщина, представившаяся Татьяной, сидела на соседней кровати и с любопытством разглядывала новенькую.

— У меня? — переспросила Агафья Львовна, распаковывая свой скромный скарб.

— У тебя, у кого же ещё! Сын там, дочь, муж вообще никого?

— Почему это никого? Дети у меня есть, внуки. Они просто ну, так вышло.

— Все так говорят, — отрезала соседка, глядя в окно, за которым тянулись бесконечные ели. — А чего же ты тогда в эту богадельню припёрлась, если дети, внуки? Дома места не нашлось?

Агафья Львовна посмотрела на свои руки, лежавшие на коленях. Действительно, чего это она? Она и сама хотела знать ответ на этот вопрос.

Пансионат «Надежда» оказался совсем не тем местом, которое рисовало воображение. Это было вытянутое серое здание, спрятанное глубоко в лесной чаще. Вокруг — густые хвойные леса, заглушающие любые звуки из внешнего мира. Рядом с корпусом ютилась крошечная часовня с облупившейся краской, несколько покосившихся хозпостроев и огородик, где, сгорбившись, копалась пара старушек. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом хвои и влажной земли.

— Кормят тут сносно, — продолжала Татьяна, не дождавшись ответа. — Утром каша — клей клеём, зато горячая. Днём суп. Жидкий, конечно. Зато не надо готовить, не надо посуду мыть. Тут главное — график. В восемь подъём, в десять обход, в час обед. Главное — не задавать лишних вопросов. Санитары здесь не любят болтливых.

В этот момент дверь скрипнула, и в комнату зашла вторая соседка — сухонькая, сгорбленная старушка с удивительно ясными глазами.

— Здравствуйте, — тихо сказала она, присаживаясь на стул. — Я — Марфа.

— Агафья, — представилась Агафья Львовна.

— А я здесь, потому что сын мой — Марфа начала свой рассказ, как молитву, — в автокатастрофу попал. Насмерть. Одна я теперь. Вот и здесь. Больше некому... Нет никого.

Агафья почувствовала, как к горлу подкатил ком сочувствия. Но в этот момент Татьяна, придвинувшись ближе, прошептала ей на самое ухо:

— Ты чего уши-то развесила? Жив её сынок. Жив-здоров. В городе живет, бизнес свой, семья. А эту историю она выдумала, чтобы объяснять, почему к ней не заглядывает никто. Непонятно, кого она так обманывает — нас или себя.

Агафья сначала не поверила. Но, посидев с ними ещё немного, послушав, как Марфа с пугающей детализацией рассказывает о несуществующей могиле, она поняла: Танька не шутит.

— Обострение у неё сейчас, — пояснила Татьяна, когда Марфа вышла в коридор. — Оно тут у многих. У некоторых — круглый год. Здесь время течёт иначе, оно здесь разъедает разум.

Агафья не выдержала и вышла в коридор, чтобы хоть немного вдохнуть воздуха. Навстречу ей, почти сбивая с ног, пронеслась санитарка с какой-то системой в руке — злая, взъерошенная, с глазами, полными усталой ненависти.

— Чего встала! — рывкнула она, даже не обернувшись.

Агафья нахмурила брови, готовая обрушить на неё весь свой богатый педагогический лексикон, но осеклась. Из дверного проёма комнаты напротив на неё смотрел старик. Толстые линзы его очков делали глаза огромными, будто рыбьими.

— Чего они тут у вас такие неприветливые? — спросила Агафья, указывая на удаляющуюся спину санитарки.

— А ты у нас, наверное, новенькая? — дед криво ухмыльнулся, оголив гнилые десны.

— Ну, допустим, — ответила Агафья, поправляя кофту.

— Ничего, привыкнешь, — философски заметил он и, шаркая тапочками, скрылся в темноте своей комнаты.

Краем глаза Агафья заглянула в ту самую комнату. Там, в полумраке, мужики резались в карты. Один, без ноги, азартно хлопал по столу рукой, другой улыбался ему беззубым ртом.

Агафья Львовна стояла посреди этого коридора и понимала: это не отдых. Это — чистилище, где у людей забирают имена, истории и саму надежду, оставляя взамен лишь расписание приёма таблеток и бесконечное ожидание конца.

Агафья вернулась в комнату, набросила на плечи старый шерстяной платок — вечерело, и через щели в разошедшихся рамах начало тянуть неприятной сыростью — и решительно направилась к выходу. Свежий воздух, пусть даже пропитанный запахом гниющих листьев, был единственным, что могло притупить нарастающую панику.

Но едва она толкнула тяжелую, обитую дерматином дверь, как путь ей преградила массивная фигура. Медсестра, которую местные с почтением называли Петровной, стояла, уперев руки в бока. Её белый халат, туго натянутый на груди, казался стерильной бронёй, а лицо, одутловатое и красное, выражало крайнюю степень недовольства.

— Ты куда наострила лыжи? — гаркнула она, даже не пытаясь скрыть грубость.

Агафья выпрямилась, стараясь выглядеть как можно более внушительно, несмотря на свою миниатюрность.

— Простите, как вы со мной разговариваете? — возмутилась она, чувствуя, как внутри закипает привычная учительская ярость.

Петровна хмыкнула и сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь она буквально нависала над Агафьей, от неё разило дешевым табаком и больничной хлоркой.

— Слушай, бабуля, я не поняла, — медсестра прищурилась, глядя на неё сверху вниз. — Ты с чего решила, что здесь можно себя вести так борзо?

— Послушайте, по-моему, это вы сейчас борзеете, — отрезала Агафья, не опуская взгляда. — Я гражданка, человек, и я имею право на прогулку.

Петровна вдруг хищно оскалилась, в её глазах мелькнуло что-то по-настоящему пугающее.

— Слушай сюда, старуха! — прошипела она, наклонившись к самому лицу Агафьи. — Это ты к нам пришла. Сама. Мы тебя не звали. Поэтому, будь добра, веди себя прилично. Если не хочешь раньше времени ну, ты поняла.

Агафья замерла. В этот момент она ясно поняла: это не угроза, это констатация факта. Здесь действуют совсем иные правила.

— Я просто хотела выйти подышать — голос Агафьи дрогнул.

— Карантин у нас, — отрезала медсестра, отступая на шаг. — Никого не выпускаем. И не надейся.

— А если приедет кто? — с надеждой спросила Агафья.

— Никто к тебе не приедет, бабусь. Успокойся и иди в палату.

Обессиленная, Агафья вернулась в комнату. Татьяна, которая всё это время наблюдала за сценой из дверного проёма, встретила её понимающей ухмылкой.

— Что, сбежать хотела? — прокомментировала она, перебирая свои старые стеклянные бусы. — Через Петровну — идея так себе. Она тут местный цербер, ей за послушание доплачивают.

«Точно! — в голове Агафьи как будто зажглась ослепительная лампочка. — Сбежать!»

Мысль о побеге ударила по нервам, как разряд тока. Она посмотрела на безразличные серые стены вокруг. Здесь она точно не останется! Хоть режьте, хоть запирайте.

В ту же секунду в голове начал складываться план. Дерзкий, безумный план побега из этого мерзкого местечка.

Глава 4

— Чего ты дёргаешься? Чего тебе не живётся спокойно?

Татьяна сверлила взглядом Агафью, которая никак не могла смириться с тем, что она теперь постоялица дома престарелых.

— Понимаешь, Татьяна, я здесь как будто в тюрьме. Здесь всё неправильное, всё чужое, — вздохнула Агафья, обводя взглядом их скромную обитель. — Каждая вещь, этот запах хлорки и казённые простыни всё кажется мне таким далёким от моей настоящей жизни.

— Ой, Львовна, не заводи шарманку про свою исключительность, — усмехнулась Татьяна, поправляя косынку. — Тут через одну такие заезжают, в шляпках да с томиком стихов под мышкой. Потом привыкают. Спускаются на землю. И ты привыкнешь.

— Но я не могу просто взять и привыкнуть к тому, что у меня отняли имя и превратили в «Эй ты».

— Все сначала выпендриваются, зубы скалят, — отрезала соседка. — А потом — глядь, и уже в очереди за манной кашей первые стоят и с санитаркой Люсей последние сплетни перетирают.

— Неужели ты думаешь, что я тоже превращусь в одного из тех, кто без цели бродят по коридорам? — с ужасом спросила Агафья.

— А куда ты денешься, милая? Жизнь тебя заставит. Вот, посмотри вокруг, — Татьяна кивнула в сторону стены, за которой находились другие палаты. — Пётр Семёнович наш — бывший алкоголик, у него жизнь в бутылке захлебнулась, так он теперь только на санитарок и лает. Давид Анзорович того жена молодая вокруг пальца обвела, выставила на улицу, вот старик и сидит, голубей из бумаги режет, всё письма ей пишет. У Иринки Зотовой дом сгорел, вместе с документами и памятью. Каждый тут с приветом. А ты? Вся такая интеллигентная. Что ты здесь делаешь, Агафья?

— Я сама до конца не понимаю, — вздохнула Агафья.

Она прикрыла глаза, и в голове всплыли воспоминания того самого дня. Утро. Кофе. А потом появилась Маша.

— Маш, ты что творишь? — Агафья с порога встретила дочь нападками. В руках она сжимала листок, который ей всунула вчера та самая девица, Снежана. — Кто это был? Какая-то Снежана?

Мария казалась оазисом спокойствия. Она мягко забрала у матери листок и положила его на стол.

— Мам, ну что ты, господи, — она улыбнулась той самой улыбкой, из детства, от которой у Агафьи всегда замирало сердце. — Ты всё не так поняла. Никто тебя никуда силой не отправит. Ты, видимо, переволновалась. Давай лучше чаю выпьем, успокоимся.

Агафья хотела было встать, но дочь мягко усадила её обратно в кресло.

— Не надо, мама. Я сама. Отдохни, я за тобой поухаживаю.

Пока Маша гремела чашками на кухне, Агафья продолжала причитать:

— Снежана эта она же у меня в школе училась! Представляешь, Маша? Она, оказывается, обиду через годы пронесла! Наверное, решила отомстить

Мария вернулась с подносом, поставила перед матерью чашку.

— Всё пройдёт, мам. Пей, это полезно.

Агафья сделала глоток и нахмурилась. Вкус был странный — приторный, с травянистым осадком.

— Это мелисса, — улыбнулась Маша, заметив реакцию матери.

— Странная у тебя какая-то мелисса, — нахмурилась Агафья, глядя в чашку.

— Не знаю, на рынке взяла. Сказали, лечебная, для нервов — самое то.

— На рынке тебе ещё не такое наплетут, — проворчала Агафья, но пить не перестала — усталость наваливалась тяжёлым одеялом. — Маш, я хотела уточнить что там с квартирой? Ты ведь не собираешься её продавать?

Мария ехидно, почти незаметно улыбнулась, глядя в окно.

— Да всё нормально с твоей квартирой, мамуль. Как жила, так и будешь жить. Как раньше.

— Ну, слава богу, как раньше, — выдохнула Агафья.

А потом её веки налились свинцом. Она почти не чувствовала, как голова клонится к плечу.

— Мам, ты чего? Сейчас упадёшь, не дай бог, — голос Маши звучал откуда-то издалека.

Последнее, что запомнила Агафья, — как дочь заботливо укладывает её на диван и поправляет плед. А потом — тишина. Маша ходила по квартире, уверенными движениями нашла папку с документами, подмигнула отражению в зеркале и набрала номер:

— Всё в порядке. Можете приезжать. Она спит. Крепко так, хорошо Вы её, пожалуйста, не будите. Ну как договаривались. Всё, что обещала, завезу вам позже. Спасибо вам большое! Вы молодцы, помогаете людям!

Она положила трубку, подошла к спящей матери, поцеловала её в лоб и, накинув кофту, вышла в подъезд, курить и ждать «гостей».

Когда Агафья закончила, Татьяна сидела, раскрыв рот.

— Да брешешь! — наконец выдохнула она.

— Вот те крест, всё так и было! — горько усмехнулась Агафья.

— У тебя же семья интеллигентная, — прошептала Татьяна. — Я думала, это только у нас, простолюдинов, такое бывает: дети продают ради жилья.

— Нет, Татьяна. В каждом обществе есть свои причуды. Только кто-то их прячет за хорошими манерами.

— И что теперь делать будешь? — спросила соседка, глядя на неё с искренним сочувствием.

Агафья пожала плечами.

— А что я могу? Меня здесь даже не слушают. Дают только какие-то таблетки

— А вот с таблетками поосторожнее, — прошептала Татьяна и огляделась по сторонам, словно боялась, что кто-то может подслушать их разговор.

В палате воцарилась тишина. Татьяна вздохнула, поправила подушку.

— И вправду. Чего я до тебя докопалась? Всё не так уж плохо. Давай спать уже. Глаза закрываются.

«Да, — подумала Агафья, глядя на тусклую лампочку. — Всё не так уж плохо. Не всё ещё потеряно. Не всё».

Агафья лежала на спине, уставившись в тусклое пятно на потолке, которое напоминало ей географическую карту какой-то страны. Слова Татьяны — «приживёшься», «станешь нашей» — пульсировали в висках.

«Стать их частью? — думала она, и холодный пот прошибал её до костей. — Привыкнуть к вони прокисшей капусты? Перестать быть Агафьей Львовной, а превратиться в беззубую тень, ждущую четверга, потому что по четвергам дают кисель?».

Она вспомнила Машу. Вспомнила тот приторный чай и холодный блеск в глазах дочери. Маша не просто отдала её сюда — она похоронила её заживо, решив, что мать — это старая мебель, которую можно сдать на склад.

«Если я останусь, я действительно умру. Но не сразу. Сначала я сгнию изнутри, как эти стены. Я буду улыбаться санитаркам, выпрашивать лишнюю таблетку и обсуждать с ними своё давление».

Она уже видела это безрадостное будущее, и от всего этого начинало тошнить.

Взгляд её упал на тумбочку Татьяны. Там, под стопкой старых газет, лежал заветный коробок спичек — Татьяна тайком курила в форточку, когда дежурила «добрая» смена.

«Очищение», — внезапно вспыхнуло в голове Агафьи. Она представила, как яркое, живое пламя слизывает серые обои, как оно пожирает эти стены, стирая своими языками всю эту злость, обиду и равнодушие врачей. Это не было безумием — в её сознании это выглядело как высший акт справедливости.

«Я не буду «приживаться» в болоте, — решила для себя Агафья. — Я я просто его уничтожу».

Агафья медленно, стараясь не скрипеть кроватью, протянула руку к соседней тумбочке. Пальцы коснулись шершавого картона. Коробок был полон. Теперь она больше не чувствовала себя чужой — у неё появилась цель, которая делала её сильнее всех в этом здании. Она больше не была жертвой. Она готовилась стать частью истории.

Глава 5

— Людка, ты что, совсем, что ли? Зачем пустила в дом? Не знаешь ведь, кто такая!

— А какая разница, Саш? Я же вижу, нормальная она. Человек в беду попал, а ты сразу — «кто такая, зачем пустила».

— Откуда знаешь, что нормальная? У неё на лбу написано? Или она тебе справку от участкового предъявила?

— Интуиция моя, Саш. Женская.

— Ох уж эта ваша интуиция... Вечно вы, бабы, сердцем думаете, а потом мужики расхлебывают. Ладно. Чур, меня потом не звать, если что. Сама разбираться будешь с этой своей «божьей странницей».

Саша, придя на обед, убеждал молодую супругу Людмилу, что опасно вот так пускать в дом постороннего человека. Особенно если это пожилая женщина, появившаяся невесть откуда.

А появилась она внезапно. Сашка убежал на работу ни свет ни заря, даже чай допить не успел. Люда, оставив спящего сынишку Гену дома, вышла во двор по хозяйству управиться да огород глянуть.

Только подошла к калитке, как видит — стоит. Маленькая, сухонькая старушка в темном пыльном платье. Стоит, вцепившись в штaketник тонюсенькими пальцами, и вся дрожит. Да так сильно, что аж зубы постукивают.

— Бабушка, вам плохо? — испугалась Люда, осторожно подходя ближе. — Вы вся дрожите!

Старушка ничего не отвечала. Она смотрела куда-то сквозь Люду, в её зрачках застыл такой ледяной ужас, что у Люды мурашки побежали по телу.

— Зайдём в дом, — настойчиво предложила Люда, беря её под локоть. — Напою вас чаем, чтобы согрелись, успокоились.

А сама про себя подумала: «Какое там согреться? На улице жара такая, что марево над дорогой стоит, душный июнь». Тут явно дело было не в ознобе. Казалось, бабушка только что увидела саму смерть или какую-то нечисть, от которой кровь в жилах стынет.

В доме Люда усадила её за стол, налила крепкого чая с мятой. Пыталась расспрашивать: откуда она, как зовут, не потерялась ли? Но старушка только мотала головой или смотрела перед собой пустым, тусклым взглядом. Она выпила чай механически, не чувствуя вкуса, и всё так же вздрагивала всем телом.

— Отдохнуть хотите? — Люда заглянула ей в лицо. Пожилая женщина выглядела так, будто не спала целую вечность. — Ложитесь на диван, отдохните, а я пока с делами во дворе управлюсь. Потом приду, кашку сварю, позавтракаем.

Люда едва успела поправить подушку на старом, но уютном диване в большой кухне у окна, как гостя буквально рухнула на него. Стоило её голове коснуться наволочки, как женщина провалилась в сон.

И был этот сон невероятно сладким, почти детским. Женщине снилось, что она снова молода, на ней строгий коричневый костюм, а волосы аккуратно собраны в пучок. Она находилась в своём родном школьном кабинете. Солнечные зайчики весело прыгали по корешкам книг в шкафах. Она ходила от окна до доски, от доски — к крайней парте у стены, где сидел вечно взъерошенный Петька Сидоров. Слышался гул голосов: дети спорили, галдели, шуршали тетрадями, но это был живой, радостный шум.

Она чувствовала тот самый редкий привкус настоящего учительского счастья: «Ты нужна! Ты делаешь важное дело!».

Но вдруг сказочный покой разбился вдребезги. Из глубины сна её вырвал строгий, басистый мужской голос, который, казалось, сотрясал стены дома.

— Короче, Люда, я не знаю! Как завела, так и уводи! — ругался Сашка, вернувшийся на обед. — Я пришел поест, а тут сюрприз во весь диван! Мы что, благотворительная организация? Чтобы вечером, когда я вернусь с работы, духу её здесь не было! Поняла?

— Да подожди ты сразу бухтеть! — голос Люды был тихим: она как будто старалась не разбудить незваную гостью. — Дай человеку прийти в себя, а там и порешим.

— Порешим? — Саша аж поперхнулся. — Ты оставила нашего Генку один на один с этой незнакомой женщиной! Ребёнка, Люда!

— Гена спал в другой комнате!

— Какая разница! Мы её знать не знаем. А вдруг она из этих... ну, из тех, что детей воруют? Или наводчица? Сейчас выпится, всё разнохает, а ночью к нам подельники её нагрянут.

— Да ну, Саш, посмотри на неё. Не похожа она на воровку.

— Ох, и наивная ты душа, Людка, святая простота! В наше время верить никому нельзя. Попомни моё слово, выйдет нам эта доброта боком.

Старушка на диване пошевелилась. Она открыла глаза и увидела над собой герань на подоконнике и широкую спину сердитого молодого человека. Поняв, что пора подниматься, она медленно оперлась локтями о диван.

Саша и Людмила замерли на полуслове. Они оба устали сидеть на старушку, которая теперь сидела на диване, расправив плечи.

— Доброго дня тебе, хозяин, — женщина чуть склонила голову, глядя на Сашку. — Не сердчай на свою супругу. Она по-христиански поступила, не дав человеку умереть одной в этой глуши.

Саша, который еще минуту назад был готов идти в рукопашную против «подозрительных личностей», замялся. Он прищурил один глаз, внимательно изучая гостью.

— А вы кто, простите, такая будете? — спросил он уже тише, без бывшего напора.

— Агафья меня зовут, — представилась она. — Бездомная я с некоторых пор. Вот и брожу, ищу, где бы прибиться. Но вы не волнуйтесь, у вас останавливаться не буду. Не стану вас стеснять. Родные дети меня не приняли, выставили за порог, как старую мебель, чего же мне от чужих людей просить?

Сашка вдруг почувствовал, как внутри что-то ёкнуло. Он был парнем грубоватым, но чувствительным, и слова про детей, которые бросают матерей, ударили его под дых. Он сразу представил свою мать, живущую в соседнем селе, и как бы он себя чувствовал, если бы она вот так... по дорогам с узелком. Гнев окончательно испарился, оставив место неловкости.

— Ну, мы это... мы вас не гоним, — он смущенно почесал затылок, стараясь не смотреть на Люду, которая победно поджала губы. — Посидите, отдохните. Раз уж зашли, так обедом вас накормим. Люд, чего стоишь-то? Гостя в доме, а у нас стол пустой! Накрывай давай!

Он обернулся к жене с таким видом, будто это он уговаривал её проявить гостеприимство, а она, вредная такая, сопротивлялась. Люда только глаза закатила — ох уж эти мужики, никакой последовательности!

Когда на столе появились дымящиеся тарелки со свежим борщом, ароматные соленые огурцы и толстые ломти домашнего хлеба, Агафья присела на краешек табурета. Саша устроился напротив, подперев кулаком подбородок.

— А как так получилось-то, бабушка, что вы одна без крова остались? — начал он допытываться, пока Агафья осторожно подносила ложку ко рту. — В наше время чтоб вот так — и на улицу?

— Долгая история, сынок. Ох, долгая, — вздохнула она.

— Так есть у вас дети или нет, я так и не понял?

— Да что они есть, что нет... — горько усмехнулась Агафья. — Они с меня всё, что нужно было, взяли. Силы мои взяли, годы, квартиру. Теперь я им больше не нужна.

— Так вам, получается, жить совсем нигде? Совсем-совсем?

— Получается, да. Куда глаза глядят, туда и дорога.

— Непорядок. Ох, какой беспорядок! — Сашка в сердцах грохнул ладонью по столу. — Знаете что, бабушка... Давайте сделаем так. Я сейчас на работу добежу, а то бригадир голову откусит, а вечером, как вернусь, сходим мы с вами к нашему местному главе. К Петровичу. И мы вместе постараемся этот ваш вопрос решить.

— Это как так решить?

— А так, бабуля! Село у нас, сами видите, у чёрта на куличках находится. Глухомань. Молодежь в город бежит. Люди уезжают, а вместо них никто не едет. Вот и стоят дома пустые, сиротеют. Некоторые, конечно, совсем зачахли — там теперь только козы пасутся, да местная шпана по вечерам посиделки устраивает. Но есть и вполне сносные хаты! Крепкие ещё. Как говорится, заходи и живи.

— Ты что мне, сыночек, настоящий дом предлагаешь взять? — голос Агафьи дрогнул, в нем послышалась надежда, в которую она боялась верить.

— А почему нет? Всё равно пустуют, гниют без хозяина. А Петрович — мужик толковый, поймет.

— Спасибо тебе, душа моя! — Агафья не выдержала, слеза покатилась по морщинистой щеке. — Добрые вы с женой люди. Как повезло мне, старой, что именно к вашей калитке ноги вынесли.

В этот момент дверь скрипнула, и в кухню вошла Люда. За руку она вела мальчишку лет восьми — серьезного, голубоглазого, с вихром на макушке.

— Я смотрю, вы уже подружились! — улыбнулась Люда, ставя перед сыном тарелку. — То-то же! А то всё ругался: «Чего пустила? Зачем привела?». А я тебе, Сашка, сразу сказала — женщина нормальная, душой чувствую.

Она усадила ребенка за стол, как раз напротив Агафьи.

— Ну, здравствуй, отличник! — Агафья тут же преобразилась. Спина стала еще прямее, а во взгляде появилось то самое профессиональное сочетание мягкости и строгости, которое бывает только у учителей с солидным стажем. — Меня бабушка Агафья зовут. А тебя как величать?

Мальчик лишь повел худенькими плечами и смущенно отвел взгляд куда-то под стол.

— Он у нас неразговорчивый... на публике, — ответила за сына Люда, потрепав его по голове. — Слова из него не вытянешь, стесняется всех. А когда один со мной остается, так, бывает, как прорвет — и диву даешься, откуда только слов таких набрался!

— В школу ходит? — Агафья пристально смотрела на мальчика, подмечая, как он держит ложку, как сидит на стуле. Профессиональная деформация давала о себе знать — для неё это был уже не просто «мальчик в шортах», а потенциальный ученик.

Мальчик молчал, не поднимая глаз. Люда замаялась, отвела взгляд.

— Да как... ходит... — вздохнула она, и в этом вздохе Агафья уловила какую-то недосказанность, проблему, которую в этой семье обсуждать не любили.

Сашка в это время бодро доедал борщ, махая ложкой, как веслом. Время его обеда неумолимо заканчивалось, а до работы бежать было прилично.

— Послушайте, милые мои, — сказала Агафья серьезным тоном, от которого Саша даже жевать перестал. — Это в детский сад можно ходить, а можно и дома посидеть. А школу все посещать обязаны. Причем регулярно и с прилежанием.

— Понимаете, у нас тут такая ситуация сложилась... — начала было Люда, но Саша внезапно вскочил, отставив пустую тарелку.

— Всё, я полетел! — крикнул он, уже на ходу хватая кепку. — Работа не волк, но укусить может. Бабуля, вы никуда не уходите. Вечером, как и договорились, идем к главе. Я слов на ветер не бросаю!

Он кивнул Агафье, она степенно кивнула в ответ. Сашка выскочил за дверь, и в наступившей тишине кухни стало слышно, как мальчик тихонько ковыряет ложкой в тарелке.

Люда начала было убирать со стола. Агафья Львовна, сложив руки в замок, не сводила глаз с маленького Гены. Мальчик сидел, ссутулившись, и казался совсем крохотным в лучах полуденного солнца, пробивающегося сквозь занавески.

— Так что за «ситуация» у вас в школе, Людмила? — спросила Агафья по-учительски чётко.

Она медленно придвинулась к ребёнку и накрыла его ладошку своей — сухой и теплой. Гена вздрогнул, но руку не убрал, только посмотрел на гостью исподлобья.

— Ох, Агафья Львовна, беда у нас с этой учебой, — Люда опустилась на табурет, скомкав в руках полотенце. — Год отучились, а толку — чуть. Гена наш ни читать не научился, ни писать толком. На уроках сидит как истукан, слова из него не вытянешь. Учительница, Мария Степановна, говорит: «Мальчик у вас в облаках витает, программу не тянет». В общем, решили его на второй год оставить, в первом классе-то! А там, говорят, посмотрим.

— На второй год? В первом классе? — Агафья Львовна даже бровь приподняла. — Это как же они так решили? У них же сейчас в первом классе и оценок-то официально нет. По каким таким критериям они ребенка в «неуспевающие» записали?

— А что, если оценок нет, значит, и на второй год нельзя? — Люда посмотрела на неё полными надежды глазами.

— Мне кажется, милая, они к другому клонят, — Агафья Львовна задумчиво постучала пальцами по столу. — Хотят они твоему Гене ЗПР приписать.

— А что... это? — шёпотом спросила Люда, и в этом шёпоте слышался ужас перед непонятной аббревиатурой.

— Задержка психического развития, — отчеканила Агафья. — Понимаешь, это такой удобный диагноз, с помощью которого педагог может красиво умыть руки. Мол, я-то молодец, я всё давала, просто ребенок «особенный», больной. И спроса с учителя никакого.

— Не больной он у нас! — Люда вскинулась, в мгновение превратившись в разъяренную волчицу, готовую защищать своего детеныша от всего мира. — Он дома и сказки слушает, и помогает, и всё понимает! Просто... просто он молчит там!

— Вот мы сейчас и проверим, кто тут молчит, а кто не понимает, — Агафья Львовна решительно поднялась. Глаза её заблестели учительским азартом. — Давайте сделаем так. Людмила, ты сейчас иди на улицу. Поделай там свои дела — грядки прополи, курам зерна дай, не знаю, что у тебя там по плану. А я... а я небольшой урок проведу с вашим сыном. По-старинке.

Люда замялась. Ей было непривычно и боязно оставлять сынишку с женщиной, которую она знала всего несколько часов. Но что-то в осанке Агафьи Львовны, в её спокойной уверенности заставило Люду кивнуть. Она вышла во двор, то и дело оглядываясь на окна кухни.

Агафья Львовна подождала, пока закроется дверь, и повернулась к мальчику.

— Ну, как тебя зовут, дружок? — спросила она так ласково, что Гена наконец поднял голову.

— Гена, — еле слышно прошептал он.

— Очень приятно, Геннадий. А меня зовут Агафья Львовна. Слушай, а давай с тобой поиграем? Хочешь?

Мальчик медленно кивнул. Впервые за всё время на его лице промелькнула слабая, едва заметная улыбка.

И Агафья начала игру. Она не доставала буквари и не мучила его скучными палочками. Как педагог с сорокалетним стажем, она знала: к каждому ребенку есть свой ключик, просто у

некоторых замков заржавел от чужого равнодушия. За сорок минут она дала ему больше, чем иная школа дает за четверть. Она видела, как расширяются его зрачки от интереса, как он начинает вслух считать, называть буквы, которые он, оказывается, знал, и довольно неплохо.

Сорок минут спустя дверь дома распахнулась. На крыльцо вышла Агафья Львовна, торжественно ведя за руку улыбающегося во весь рот Гену. Мальчик что-то увлеченно рассказывал ей, размахивая свободной рукой.

Людмила, которая всё это время нервно дёргала сорняки на грядке, так и застыла с пучком лебеды в руках. Увидев такую картину, она открыла рот от изумления.

— Нормальный он у вас, — сказала Агафья Львовна, подходя к матери ребёнка. — Даже более чем. Всё схватывает на лету: буквы, цифры, логические задания, которые даже для его возраста сложноваты. Память — дай бог каждому.

— Как? Прямо совсем... нормальный? — переспросила Люда, словно боялась спугнуть слова Агафьи.

— Самый что ни на есть! — кивнула Агафья. — Золотая голова, просто застенчив мальчик, а к нему подошли с топором вместо ласки.

— А как же тогда?... — Люда всхлипнула, прижимая сына к себе.

— Тут варианта всего два, — Агафья даже не дослушала. — Либо педагог никакой..., либо так специально задумано.

— Что вы хотите сказать?

— Твой Гена, он один такой в классе? Кому это ЗПР нарисовать пытаются?

— Мне кажется, там пол класса таких.

— Всё понятно.

— Что понятно?

— Понятно, что пока ничего не понятно. Но что-то здесь не так!

— И что же нам делать?

— Никого не слушать, никому не верить и, самое главное — ничего не подписывать! У вас здоровый, нормальный, способный и абсолютно обучаемый ребенок — это всё, что вы должны знать. Запомни это и заруби себе на носу!

— Я... Я поняла! Спасибо вам! — Людмила схватила руку Агафьи. По её лицу катились слёзы — слёзы радости и благодарности. Она крепко обняла сына, который весело смотрел на мать.

А Агафья Агафья снова испытала то приятное чувство, когда свои профессиональные навыки она смогла применять во благо добра. Во благо людей!

Глава 6

— Мам, вы чего такая хмурая? Случилось чего?

— Случилось. Конечно, случилось! В отпуск нас всех отправили. Вот что случилось!

Свекровь Надежда Васильевна пришла к своей невестке Людочке, чтобы, как всегда, пожаловаться на «нелегкую жизнь».

— В отпуск? — улыбнулась Люда. — Так это же прекрасно, мама! Отпуск — это же мечта любого человека. Тем более лето на дворе, июль, жарища такая. Обычно в это время на работе не допросишься даже на три дня к речке съездить, а тут — нате вам! Поздравляю, отдохнете наконец, в огороде покопаетесь

Свекровь посмотрела на невестку так, будто та только что предложила ей что-то невообразимое.

— Прекрасно, говоришь? А то, что у меня путёвки в санаторий лежат на месяц позже? Куплены на кровные, Людочка, невозвратные! Я год на них копила. Экономила. А теперь я вынуждена свой отпуск тратить дома, сидя в обнимку с вентилятором. Это тоже, по-твоему, прекрасно?

Люда виновато прикусила губу.

— Нет это, конечно, не прекрасно, — пробормотала она. — А что вообще стряслось-то? Почему так?

— А потому что закрыли нас на ремонт! Всех постояльцев на время в райцентр перевезли. А персонал — в вынужденный отпуск!

— Ну не знаю а начальству пробовали объяснить, что такая ситуация сложилась? Планы, путёвка, санаторий?

— Пробовала, конечно! Да они там все сейчас злые, как собаки. После того-то, что случилось

— А что случилось?

— Людка, святая ты простота. Ты что, новости в округе совсем не знаешь?

— Да откуда я их узнаю? Кручусь тут, верчусь как пчёлка. Сашка весь в работе, приходит, ничего не рассказывает.

— Так они, мужики, разве знают, что под носом творится? Им важнее, чтобы живот набит был, а дальше — хоть трава не расти!

— Ну, мама, не томите. Что там в вашей богадельне стряслось?

— Пожар у нас был знатный! Чуть не сгорели все, кто в ночной смене дежурил. Хорошо, что медсестра наша, вовремя проснулась. Услышала, как в коридоре что-то трещит. Как сирена, всех на ноги подняла, старичков выводить начала. А там дым столбом, темень, старики в панике. Вывели всех на лужайку, значит. Стали перекличку делать, считать по головам — а одной-то бабки и нет!

— Как нет? — ахнула Люда, прижимая ладонь к щеке. — Сгорела?

— Да если бы! — Надежда Васильевна сердито дернула плечом. — Пересчитали раз, другой, третий. Точно нет. Сбежала она под шумок-то!

— Это как же сбежала? Мам, они же там все старики глубокие. Такие быстро бегать не умеют

— А ты мне не умничай тут, — оборвала её Надежда Васильевна. — Когда им по-настоящему надо, они так дёру дать могут, что никакая молодёжь не догонит.

— И что, не нашли потом?

— До сих пор не нашли, представляешь? Словно сквозь землю провалилась.

— Так у вас же там лес кругом. Глухой, болотистый А вдруг случилось что с ней? Пожилой человек всё-таки

— Ну и пусть! Мы, если честно, только рады будем, если её там в лесу найдут

— Мама! Нельзя же так! Она же человек, чья-то мать, бабушка Как так можно говорить?

— Человек?! Да этот «человек» нас чуть без работы не оставил! Если бы наш дом престарелых дотла сгорел из-за её выходок, думаешь, кто-нибудь дал бы деньги, чтобы его восстанавливать? Да он и так на ладан дышит. Шеф наш за голову схватился, по всем инстанциям бегает, кредит пытается выбить, чтобы хоть косметiku сделать, пока комиссия не нагрязнула. Он теперь каждую копейку считает. Я вот что боюсь, Людочка Как бы он наши отпускные в этот самый ремонт не пустил!

— Не-ет, — неуверенно покачала головой Люда. — Это же незаконно.

— Законно — незаконно! В нашей глуши закон — это когда у начальника настроение хорошее. А сейчас он скажет: «Работать хотите? Место своё сохранить желаете? Вот и скидывайтесь на краску и штукатурку». И ведь никто и пискнуть в ответ не посмеет, все, как миленькие, понесут. Потому что деваться некуда. Вот и сию теперь: ни путевок, ни отпуска нормального, ни денег, похоже.

Люда молча кивнула, глядя на свекровь. В её голове всё ещё стояла картинка: маленькая, хрупкая старушка в ночной рубашке, бегущая через темный, пугающий лес прочь от пожара.

В этот самый момент дверь в дальнюю комнату тихо скрипнула. Из полумрака, завешанного плотными шторами, щурясь от яркого света, вышла Агафья Львовна.

Она только что проснулась после обеденного сна. Слыша чьи-то голоса, решила, что пришел Саша, и вышла поздороваться.

Но стоило ей только появиться в проеме, как Надежда Васильевна подпрыгнула на табурете.

— Это она! — взвизгнула свекровь, тыча в сторону старушки дрожащим пальцем. — Люда, смотри! Точно она!

Агафья Львовна замерла, прижав руку к груди, и её взгляд встретился со взглядом Надежды Васильевны. Обе узнали друг дружку.

— Кто она? — Люда замерла, переводя взгляд с разъяренной свекрови на притихшую гостью. — Мам, вы чего? Это Агафья Львовна. Успокойтесь и объясните всё нормально!

— Да что тут объяснять! — Надежда Васильевна уже не кричала, она визжала на невестку так, словно та прятала дома как минимум серийного маньяка. — Поджигательница эта! Людка, ты кого в дом пустила? Это же она!

— Поджигательница? — Люда почувствовала, как по ногам пошла дрожь.

До неё начало доходить. Странная старушка без документов, её молчание о прошлом и внезапный пожар в доме престарелых. Всё сходилось, но верилось с трудом.

— Нет, мама, вы путаете... — попыталась возразить Люда. — Посмотрите на неё, она же еле ходит. Не может Агафья Львовна...

— Точно! Агафья! — перебила её Надежда Васильевна. — Вот ты и нашлась, бабка! Звони участковому, Люда! Сейчас план-перехват будем делать.

— Стоп! Стоп! Стоп! — Люда неожиданно для себя гаркнула так, что обе женщины вздрогнули. — Давайте поговорим спокойно. Мама — садитесь обратно на табурет и не машите руками. Агафья Львовна, не стойте в дверях. Тоже садитесь. Чаю сейчас налью!

Агафья Львовна, ни слова не говоря, послушно прошла к столу и села на край стула, сложив руки на коленях. Надежда Васильевна плюхнулась на своё место, буравя старушку взглядом.

— А теперь спокойно, — Люда налила две кружки крепкого чая и одну поставила перед свекровью, другую — перед гостьей. — Агафья Львовна... Это правда? Вы из того самого дома... и вы... имеете отношение к тому, что там случилось?

Агафья помолчала несколько секунд, переводя взгляд с Людмилы на Надежду Васильевну. Она вспомнила эту женщину, которая вечно бегала по коридорам и покрикивала на

нерасторопных стариков. Там, в «богадельне», они особо не пересекались, но лицо сотрудницы врезалось ей в память.

— Да, это правда, — негромко, но твердо ответила Агафья.

— А я тебе что говорю! — взвилась Надежда Васильевна. — Я эту физиономию сразу приметил, еще когда её к нам привезли!

— Так, всё, Надежда Васильевна! — вдруг жестко одернула свекровь Люда, впервые в жизни назвав её по имени-отчеству. — Давайте мы сейчас просто послушаем. Нам всем нужно понять, что произошло.

Надежда Васильевна поперхнулась от такой наглости невестки, но замолчала, только губы обиженно прикусила. А Агафья начала рассказывать. Она говорила о том, как её, бывшую учительницу, оставшуюся без жилья из-за родных, определили в этот дом.

— Я ведь, Людочка, не со зла, — Агафья посмотрела на Людмилу виноватыми глазами. — Решение о пожаре... оно ведь от безысходности пришло. Не поджигать я их хотела, упаси Господь, а дыму напустить, суматоху создать. А самой сбежать.

Свекровь Люды презрительно фыркнула.

— Вы же сами знаете, Надежда Васильевна, как у вас к старикам относятся, — продолжала Агафья.

Надежда хотела что-то вставить про «режим и уход», но Агафья не дала:

— Относятся не иначе, как к заключенным. По расписанию дышать, по расписанию в стену смотреть. А я так хочу, я жить хочу! Вот и решилась. Собрала газеты в туалете, чиркнула спичкой... Думала, пока тушить будут, я через забор и в лес.

— Понятно, — Надежда Васильевна сложила руки на груди, качая головой. — О себе думала. А о других ты, милочка, подумала? О персонале, о лежачих? Героизм какой — чуть людей не угробила!

Агафья Львовна вдруг горько усмехнулась и посмотрела Надежде в глаза.

— Подумала. Я как раз о постояльцах ваших и подумала больше всего. Вы думаете, они плачут сейчас в райцентре? Нет, Надежда Васильевна. Они там счастливы будут этот месяц пожить. Я там была полгода назад, проводывала бывшую коллегу. Там, в доме престарелых — жизнь! Там питание пятиразовое, там кружки, там танцы по субботам под аккордеон! Там старики дышат полной грудью, общаются, смеются... А у вас? В вашей «богадельне» они зашуганные до полусмерти, боятся лишнее слово сказать, чтоб на них санитарка не прикрикнула. Вы их не лечите, вы их доживать заставляете в тишине. Так что, пожар мой — это для них как путевка в санаторий. Пусть хоть месяц людьми себя почувствуют.

Надежда Васильевна молчала. Гневный румянец, еще минуту назад заливавший её щеки, медленно сходил на нет. Сказать ей было нечего, потому что слова Агафьи Львовны попадали в самую точку, прямо в ту затаенную правду, которую персонал «Надежды» годами старался не замечать.

— Может, вернутся ваши постояльцы после ремонта, да хоть что-нибудь потребуют для себя — тихо продолжала Агафья, помешивая чай ложечкой. — Хотя бы человеческого обращения.

Васильевна тяжело вздохнула и, наконец, кивнула.

— Про стариков ты, значит, подумала, — ухмыльнулась она. — А о нас кто-нибудь думает? О том, что персонал вообще без работы остаться может, если лавочку прикроют?

— Не останетесь, не бойтесь. Где ещё ваш начальник найдёт людей, готовых за гроши выполнять такую непростую работу? Не найдёт он других, Надежда. Вы для него — золотой фонд, хоть он вам об этом и не скажет.

— И то верно. Не найдёт, — кивнула Надежда Васильевна, сама того не замечая. Мысль о собственной незаменимости подействовала на неё, как валерьянка на кошку.

Людмила тем временем, видя, что гроза миновала, начала незаметно накрывать на стол. Через секунду в центре стола появилась стопка пышных блинчиков. Следом на столе уже стояла розетка с густой сметаной и баночка прозрачного липового мёда.

И вот уже недавние враги мирно сидели друг напротив друга, угощаясь блинами и чаем.

Разговор потек сам собой — легкий, деревенский, про дела в округе, про цены на корма и про то, чья корова в этом году больше молока дает. Людмила рассказала свекрови, как Агафья Львовна позанималась с её сынишкой Геней.

— Вы бы видели, мама! — воодушевленно говорила Люда. — Он же у нас неусидчивый, всё бы ему с палками по кустам бегать. А тут сидел как приклеенный! Агафья Львовна пообещала, что за лето они все буквы выучат и счет до сотни освоят. Говорит, что подготовит его так, что ни один педагог в школе не посмеет сказать, что ребёнок какой-то «не такой» или к учебе не готов.

Надежда Васильевна с почтением посмотрела на Агафью. В деревне уважали тех, кто мог «вложить в голову».

К концу чаепития сердце Надежды Васильевны окончательно растаяло.

— Никому из наших не скажу, что тебя здесь видела, — тихо произнесла она, вытирая губы салфеткой. — Живи пока у Людки, раз уж так вышло. Здесь, в деревне, можешь ходить спокойно, никто тебя не выдаст. Одна я из наших деревенских в этой богадельне работаю. Остальные девчонки — все из соседнего посёлка. Вот там тебе, милочка, лучше не появляться.

Агафья Львовна потянулась через стол и накрыла руку Надежды своей сухой, маленькой ладонью.

— Ну спасибо тебе, Надежда! Век не забуду твою добрую душу! Я ведь знала, что ты женщина справедливая, хоть и строгая с виду.

— Да что там! — Надежда Васильевна смущенно отмахнулась. — Справедливая Просто блины у Люды сегодня удались, подкупили вы меня, заговорщицы.

— Нет, серьезно, — продолжала Агафья. — Благодарна я тебе, и хочу добром как-то отплатить. Может, по хозяйству чего помочь? Или...

— Ничего не надо, — отрезала Надежда, в которой снова проснулась привычка командовать. — Внуку моему помогаешь — чего ещё надо? Нам, бабкам, главное, чтобы у внуков всё было, чтобы людьми выросли. Так что учи его как следует, чтоб от зубов отскакивало. Это и будет лучшая плата.

— Спасибо, Надежда! Бог всё видит. Спасибо тебе!

Они просидели так еще долго, обсуждая всё, что приходило на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.